

1001 ночь.

Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане и его сыне ШаррКане, и другом сыне Дау-аль Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 45-50](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 51-56](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 57-62](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 63-68](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 69-74](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 75-80](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 81-86](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 87-92](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 93-98](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 99-107](#)

Пятьдесят седьмая ночь

Когда же настала пятьдесят седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что купец подошел к Нузхат-аз-Заман и, смущенный ее красотой и прелестью, и, сев с нею рядом, сказал ей: "О госпожа моя, как твое имя?" – "Ты спрашиваешь о моем сегодняшнем имени или о прежнем?" спросила девушка. "А у тебя есть два имени?" – сказал купец, и девушка ответила: "Да, мое имя до этого было Нузхат-аз-Заман [117], а сегодня мое имя Гуссат-аз-Заман" [118].

И когда купец услышал эти слова, его глаза наполнились слезами, и он спросил: "А есть у тебя больной брат?" – "Да, клянусь Аллахом, господин мой, – отвечала она, – но время разлучило меня с ним, когда он был в Иерусалиме". И купец растерялся, увидя ее ум и нежность ее разговора, и сказал про себя: "Прав был бедуин в том, что говорил!" А Нузхат-аз-Заман вспомнила своего брата, больного, на чужой стороне, и свою разлуку с ним, когда он был нездоров, и не знала она, что с ним случилось. И ей вспомнилось, как произошло у нее это дело с бедуином и что она далеко от матери и отца и своего царства, и слезы побежали по ее щекам, и она не стала сдерживать их потока и произнесла такие стихи:

"Где б ты ни был, храпим да будешь Аллахом

О ушедший, но в сердце вечно живущий!

И да будет Аллах к тебе всюду близок,

Охраняя от бед тебя и несчастий.

Скрылся ты, и глаза мои так тоскуют,

И струятся, и как еще, мои слезы.

Если б знать мне, в каком краю и стране ты

Обитаешь, в каком доме или стане!

Если жизни ты воду пьешь, свеж, как роза,

Мне напитком лишь горькие служат слезы.

Если спишь ты когда-нибудь, знай, что уголь

Ночи долгой лежит меж мною и постелью.

Мое сердце все вынесет, – не разлуку

Все другое снести ему уж не тяжко".

Услыхав сказанные ею стихи, купец заплакал и протянул руку, чтобы утереть слезы с ее щек, но она закрыла лицо и сказала: "Берегись этого, господин!"

А кочевник сидел и смотрел на нее, когда она закрыла лицо от купца, хотевшего утереть слезы на ее щеке. И он подумал, что девушка не дает ему себя осмотреть, и, вскочив, подбежал к ней с верблужьим поводом, бывшим у него, и поднял руку и ударил ее по плечам, и удар оказался так силен, что она упала на землю вниз лицом. И камешек на земле попал ей в бровь и пробил ее, так что кровь потекла по ее лицу, и она испустила громкий крик и почти лишилась сознания, и заплакала, и купец заплакал с нею. "Я непременно куплю эту девушку, хотя бы ценою ее было столько золота, сколько в ней веса. Я избавлю ее от этого злодея!" – воскликнул купец. И он принялся ругать бедуина, а девушка была в бесчувствии. И, придя в себя, она вытерла с лица слезы и кровь и повязала голову, и, подняв взор к небу, стала звать к своему владыке с опечаленным сердцем. И она произнесла:

"О, сжальтесь над благородною,

Что в притеснение низкой стала.

И плачет, и слез потоки льет,

И молвит: "Не спастись от рока!"

А кончив эти стихи, она обратилась к купцу и сказала ему тихим голосом: "Ради Аллаха, не оставляй меня у этого злодея, который не знает Аллаха великого! Если я проведу у него эту ночь, я убью себя своей рукой. Избавь же меня от него, Аллах избавит тебя от огня геенны". И купец поднялся и сказал бедуину: "О шейх арабов, эта девушка не то, что тебе нужно; продай мне ее за сколько хочешь". – "Бери ее, – отвечал бедуин, – и давай плату за нее, а не то я ее отведу на кочевье и заставлю ее собирать навоз и пасти верблюдов". – "Я дам тебе пятьдесят тысяч динаров", предложил купец, но бедуин ответил: "Аллах великий поможет!" – "Семьдесят тысяч динаров", – сказал купец. "Аллах поможет! – отвечал бедуин, это меньше денег, затраченных на нее. Она съела у меня ячменных лепешек на девяносто тысяч динаров". – "И ты, и твоя семья, и твое племя за всю жизнь не съели на тысячу динаров ячменя! – воскликнул купец. – Я скажу тебе одно

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

слово, и если ты не согласишься, укажу на тебя наместнику Дамаска, и он возьмет у тебя девушку силой". – "Говори", – молвил бедуин, и купец сказал: "За сто тысяч динаров". – "Я продал ее тебе за такую цену и считаю, что купил на эти деньги соли", – сказал бедуин. И, услышав это, купец рассмеялся и пошел в свое убежище и принес ему деньги. Он отдал их бедуину, и тот взял их, думая про себя: "Обязательно съезжу в Иерусалим; может быть, я найду ее брата, и привезу его и продам", а потом он сел и ехал, пока не прибыл в Иерусалим" Он отправился в хан и спросил о ее брате, но не нашел его – и вот то, что с ним было. Что же касается купца и Нузхат–аз–Заман, то купец, получив девушку, накинул на нее кое–что из своей одежды и пошел с ней в свое жилище..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьдесят восьмая ночь

Когда же настала пятьдесят восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что купец, получив Нузхат–аз–Заман от бедуина, пошел с нею в свое жилище и одел ее в роскошнейшие одежды. А потом он взял ее и отправился с нею на рынок, где набрал ей драгоценностей, какие она пожелала, и, сложив их в кусок атласа, положил его перед Нузхат–аз–Заман и сказал: "Все это для тебя. И я хочу только, чтобы ты, когда я приведу тебя к султану, наместнику Дамаска, осведомила его о иене, за которую я тебя купил (пусть этого было мало за один твой ноготь!). А когда ты окажешься у него и он купит тебя у меня, расскажи ему, что я для тебя сделал, и попроси у него для меня султанскую грамоту с рекомендацией. Я отправлюсь с нею к его отцу, владыке Багдад", Омару ибн ан–Нуману, и он не позволит брать с меня пошлины за материю и за все, чем я буду торговать".

Услышав его слова, Нузхат–аз–Заман заплакала и зарыдала, и купец сказал ей: "О госпожа, я вижу, что всякий раз, как я вспоминаю о Багдаде, твои глаза льют слезы. У тебя там есть кто–нибудь, кого ты любишь? Если это купец или кто иной, расскажи мне о нем; я знаю всех, кто там есть, и купцов и других. А если хочешь послать письмо, я ему доставлю его". "Клянусь Аллахом, у меня там нет знакомых, ни купцов, ни других, я знаю только царя Омара ибн ан–Нумана, владыку Багдада", – отвечала девушка.

И, услышав ее слова, купец засмеялся и очень обрадовался и воскликнул про себя: "Клянусь Аллахом, я достиг того, чего желаю! А тебя раньше предлагали ему?" – спросил он. "Нет, но я воспитывалась вместе с дочерью, – отвечала девушка. – Я была ему дорога, и он оказывал мне большое уважение. И если ты желаешь, чтобы царь Омар ибн ан–Нуман написал тебе то, что ты хочешь, принеси мне чернильницу и перо, и я напишу для тебя письмо, а ты, как войдешь в город Багдад, вручи это письмо из рук в руки царю Омару ибн ан–Нуману и скажи ему: "Твою невольницу, Нузхат–аз–Заман, попирали превратности дней и ночей, так что она продавалась из места в место. Она передает тебе привет". А если он спросит тебя обо мне, скажи ему, что я у наместника Дамаска".

И купец удивился ее красноречию, и его любовь к ней увеличилась. "Я думаю, – сказал он, – что люди обманули твой ум и продали тебя за деньги. Хранишь ли ты в памяти Коран?" – "Да, – отвечала девушка, – и я знаю философию и врачеванье и введение в науку и "Изъяснение" врача Галена [119] на "Афоризмы" Гиппократы, и я его тоже толковала. Я читала "Тезкире", изъясняла "Бурхан", читала "Трактат о простых лекарствах" ибн аль–Байтара [120], рассуждала о "Мекканском Каноне" ибн Сины, разгадывала загадки, чертила фигуры, рассуждала о геометрии и хорошо усвоила анатомию. Я читала книги шафиитов [121], предания и грамматику, вела прения с учеными и рассуждала обо всех науках, и я сильна в логике, красноречии, счете и составлении календарей, знаю духовные науки и время молитвы, и уразумела все эти науки".

Потом Нузхат–аз–Заман сказала купцу: "Принеси мне чернильницу и бумагу! Я напишу письмо, которое поможет тебе в твоём путешествии и избавит тебя от нужды в подорожных". И, услышав эти слова, купец закричал: "Прекрасно, прекрасно! О, счастье того, в чьем дворце ты будешь!" А потом он взял чернильницу, бумагу и медный калам и принес ей все это, поцеловав землю из уважения к ней. И Нузхат–аз–Заман взяла свиток и калам и написала такие стихи:

"Я вижу, что сон бежит, летя от очей моих;

Не ты ли бессоннице глаза научил мои?

Зачем, коль тебя я вспомню, в сердце огонь горит?

Всегда ли влюбленный так любовь вспоминал свою?

Аллах наши дни вспои, что сладостны были так!

Ушли! Но их сладостью не сыто желание.

Я ветер с мольбой прошу, ведь ветер песет всегда

От страсти безумному из стран ваших новости,

Вам любящий сетует, лишенный защитника!

Разлука вершит дела, и камень дробящие".

А потом, кончив писать эти стихи, она написала такие слова:

"Говорит та, которую уничтожили думы и истощила бессонница, в чьем мраке не найти огня, и не отличает она ночи ото дня, ворочаясь на ложе разлуки и насурмянясь иглой бессонницы. И наблюдает она звезды и пронзает взором мрак, и растаяла она от дум и от истощения, и долог рассказ о ее положении, и нет ей помощника, кроме слез".

И она написала такие стихи:

"Если заворкует голубь утром в ветвях густых,

Шевелится уж во сне убийца – тоска моя.

И только вздохнет, тоскуя, страстно стремящийся

К любимым, уже сильней становится грусть моя"

На страсть я тем сетую, в ком нет ко мне милости.

Как часто душа и плоть любовью разлучены!"

А затем глаза ее пролили слезы, и она написала такое двестишье:

"Любовь извела тоской в разлуки день тело мне:

Когда разлучились мы – расстался мой глаз со сном.

Я телом так худ, что хоть и муж я, но видеть ты

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Едва ли могла б меня, не слыша речей моих".

И она пролила из глаз слезы и затем написала внизу квитка: "Это письмо от той, кто вдали от близких и родных, от опечаленной сердцем и душой Нузхат–аз–Заман. А потом она свернула свиток и подала его купцу, и тот взял его и поцеловал, и, узнав, что в нем написано, он обрадовался и воскликнул: "Да будет превознесен тот, кто придал тебе образ..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьдесят девятая

Когда же настала пятьдесят девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Нузхат–аз–Заман написала письмо и подала его купцу, а тот взял его и прочел и, узнав его содержание, воскликнул: "Да будет превознесен тот, кто придаст тебе образ!"

И он стал оказывать ей еще большее уважение и целый день был с нею ласков; когда же приблизилась ночь, он пошел на рынок, принес кое-чего и накормил девушку, а потом он пошел с нею в баню и, приведя к ней банщицу, сказал: "Когда кончишь мыть ей голову, одень ее в одежды и пришли сказать мне об этом". И банщица отвечала:

"Слушаю и повинуюсь!" А купец принес девушке кушаний и плодов и свечей и поставил все эта на скамейку в бане, и, когда банщица кончила мыть девушку, она надела на нее одежду, и Нузхат–аз–Заман вышла из бани и села на скамейку в предбаннике, а банщица послала уведомить ее. И Нузхат–аз–Заман выйдя, увидала, что столик с едой уже подан, и они с банщицей поели плодов и кушаний, а остаток отдали рабочему в бане и сторожу. Потом девушка проспала до утра, а купец переночевал в стороне от нее, в другом месте. А проснувшись, он разбудил Нузхат–аз–Заман и принес ей тонкую рубашку. И он взял головной платок в тысячу динаров и вышитое платье из турецких одежд, и сапожки, расшитые червонным золотом и унизанные жемчугом и драгоценными камнями, а в уши девушки он вдел золотые кольца в тысячу динаров, украшенные жемчугом. Он надел ей на шею, между грудями, золотое ожерелье, и цепь из амбры, спускающуюся ниже груди, до пупка, а на этой цепи было десять шариков и девять полумесяцев, и посредине каждого полумесяца был оправленный рубин. И эта цепь стоила три тысячи динаров, а каждый шар – двадцать тысяч дирхемов, и вся одежда, в которую купец облачил девушку, обошлась в большие деньги.

И, одев ее, купец приказал ей украситься, и она убралась в лучшие украшения, и опустила на глаза покрывало, и пошла, а купец пошел впереди нее, и когда люди увидали ее, они были ошеломлены ее красотой и говорили: "Благословен Аллах, лучший из творцов! Счастье тому, у кого эта девушка". И купец шел, а Нузхат–аз–Заман шла сзади, пока он не вошел к султану Шарр–Кану, а войдя к нему, он поцеловал землю меж его рук и сказал: "О счастливый царь, я привел тебе в подарок девушку, диковинную по качествам, которой нет равных в наше время; она обладает и прелестью и милостью!" – "Дай мне увидеть ее воочию", – сказал царь. И купец вышел и привел девушку, и она шла за ним, пока он не поставил ее перед царем Шарр–Каном.

И когда тот увидел ее, кровь устремилась к родной крови, хотя Нузхат–аз–Заман покинула его, когда была маленькой и он не видал ее; только через некоторое время после ее рождения он услышал, что у него есть сестра, по имени Нузхат–аз–Заман, и брат, по имени Дау–аль–Макан, и возненавидел их обоих, боясь, что они отнимут у него царство. Вот почему он мало знал о них. А купец, подведя к нему девушку, сказал: "О царь времени, она чудо красоты и прелести, так что нет ей соперниц в ее время, и при этом она знает все пауки, и светские, и гражданские, и точные". "Возьми за нее столько, за сколько ты ее купил, и оставь ее, и иди своей дорогой", – сказал царь купцу. И тот ответил: "Слушаю и повинуюсь, но напиши указ, чтобы мне никогда не платить десятины с моих товаров". – "Я сделаю это прежде всего, – молвил царь, – но скажи мне, сколько ты отвесил в уплату за нее?" – "Я отвесил за нее сто тысяч динаров и надел на нее одежд на сто тысяч динаров", – ответил купец. И, услышав это, царь сказал: "Я дам тебе за нее больше этого""

И затем он позвал своего казначея и сказал ему: "Дай этому купцу триста двадцать тысяч динаров, – пусть ему будет сто двадцать тысяч динаров прибыли". А потом султан Шарр–Кан призвал четырех судей и вручил купцу деньги в их присутствии, а судьям он сказал: "Беру вас в свидетели, что я освободил эту невольницу и желаю взять ее в жены". И судьи составили свидетельство об ее освобождении, а потом они написали ее брачную запись, и царь бросал на головы присутствующих золото во множестве, и слуги и евнухи подбирали деньги, которые царь кидал им.

А после этого царь Шарр–Кан велел написать купцу указ, вручив ему сначала деньги, и написал постановление на вечные времена, чтобы ему никогда не платить со своей торговли ни десятины, ни пошлины, и чтобы никто во всем царстве не причинил ему зла. И затем он велел дать ему великолепную одежду..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до шестидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до шестидесяти, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Шарр–Кан приказал написать купцу указ, вручив ему сначала деньги, и написал постановление на вечные времена, чтобы ему не платить со своей торговли десятины и чтобы никто в царстве не причинил ему зла, и велел дать ему великолепную одежду. И все ушли, и у него остались только судьи и купец. И Шарр–Кан сказал судьям: "Я хочу, чтобы вы послушали речи этой девушки, указывающие на ее образованность и знания и осведомленность во всем, о чем говорил этот купец, и проверили истинность его слов". – "Это не плохо", – ответили судьи. И царь велел опустить занавес, чтобы закрыть себя и тех, кто был с ним, от девушки и сопровождающих, и все женщины, бывшие с девушкой за занавесом, начали поздравлять ее и целовать ей руки и ноги, узнав, что она стала женой царя, а затем они принялись ходить вокруг нее и сняли с нее платье, облегчив ее от тяжести одежд, и смотрели на ее красоту и прелесть. И жены эмиров и везирей прослышали, что царь ШаррКан купил невольницу, которой нет равной по красоте, знанию и мудрости и искусству считать и что она объяла все пауки, и царь отвесил в уплату за нее триста двадцать тысяч динаров.

И он освободил ее и написал свой брачный договор с ней, и призвал четырех судей для испытания девушки, чтобы она им ответила на то, о чем ее спросят, вступив с всю в диспут.

И женщины отпросились у своих мужей и пошли во дворец, где была Нузхат–аз–Заман и, войдя к ней, они увидели, что евнухи стоят перед нею. И когда Нузхат–азЗаман увидела жен эмиров, везирей и вельмож, которые входили к ней, она поднялась на ноги и пошла им навстречу, а невольницы встали сзади нее, и она встретила женщин словами: "Добро пожаловать!" и улыбнулась им в лицо, пленив их сердца, а затем она обещала им великие блага, и рассадил их по местам, словно она воспитывалась вместе с ними. И они удивились, как она умна и образованна при своей прелести и красоте, и говорили одна другой: "Это не невольница! Нет, это царевна, дочь царя!"

И они сидели, возвеличивая ее сан, и говорили ей:

"О госпожа, наш город озарен тобою, и ты оказала почет нашей местности и стране и родине и царству. И это горство – твое царство, и дворец твой дворец, и мы все – твои невольницы. Ради Аллаха, не лишай нас твоих милостей и лицезрения твоей красоты!" И девушка поблагодарила их за это.

И при всем том занавеска была опущена, отделяя ее и женщин, бывших с нею, от царя Шарр–Кана, четырех судей и купца, которые сидели рядом с царем. И царь Шарр–Кан позвал ее и сказал: "О царица, великая в свое гремя, этот купец приписывает тебе знания и образованность и утверждает, что ты сведуща во всех науках, даже и шукe о звездах. Дай нам услышать что–нибудь из того, о чем ты упоминала этому купцу, и изложи из этого немного глав".

Услышав его слова, девушка сказала: "Слушаю и повинуюсь, о царь! Первая глава – о делах управления и достоинствах царей и о том, что

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

подобает вершителям судеб и какие должно иметь им качества, угодные Аллаху. Знай, о царь, что хорошие свойства права объединены в делах веры и мирской жизни. Никто не достигнет вершин иначе, как через жизнь долгую, ибо она – прекрасный путь к будущей жизни, а обстоятельства дальнего мира украшаются деяниями его обитателей; занятия же людей делятся на четыре разряда: властвование, торговля, земледелие и ремесла.

Властвующему приличествует совершенное умение управлять и безошибочная проницательность, ибо властержень благополучия в здешней жизни, она есть путь к жизни будущей. Аллах великий предназначил жизнь для рабов своих, подобно запасам для путника, помогающим достичь цели. И надлежит всякому человеку брать от нее в той мере, чтобы приблизиться к Аллаху, и не следовать к Этому своей душе и своим страстям. И если бы люди брали от благ мира по справедливости, наверное бы прекратились распри; но люди захватывают их насилием, следуя своим страстям, так возникают из увлечений их тяжбы. И нужен им поэтому властитель, чтобы устанавливал он справедливость между ними и устраивал их дела. И если бы царь не удерживал людей друг от друга, сильный наверно одолел бы слабою.

Говорил Ардешир: [122] "Вера и власть – близнецы, вера – сокровище, а власть – страж". Установления веры и умы людей указывают, что людям надлежит назначить власть, которая защищала бы обиженную от обидчика и оказывала бы справедливость слабому против сильного, сдерживая злобу преступных и насильников.

И знай, о царь, что каковы достоинства султана, таково и время.

Сказал посланник Аллаха, – да благословит его Аллах и да приветствует: "Если два сословия среди людей праведны, – и люди будут праведны, а если они не праведны, то неправедны и люди, – это ученые и эмиры".

Сказал некий мудрец: "Царей бывает три рода: царь благочестивый, царь, оберегающий святыни, и царь, предающийся страстям. Что до царя благочестивого, то он понуждает подданных следовать их вере, и ему должно быть благочестивей всех, так как он тог, чьему примеру подражают в делах благочестия. И людям надлежит повиноваться его велениям, согласным с законами; он не должен ставить гневного на то же место, что и довольного, будучи покорен судьбе.

А царь, охраняющий святыни, – тот печется о делах мирских и о делах веры, заставляет людей следовать закону и блюсти человечность. Он должен соединять в руках меч и перо, ибо кто отступит от начертанного пером, оступится нога его. И царь выпрямляет искривленное острием меча и распространяет справедливость среди всех тварей.

Что же до царя, предающегося страстям, то нет у него веры, кроме удовлетворения своей страсти, и не страшится он гнева своего владыки, давшего ему власть. Исход же царства его – уничтожение, а предел его преступлений – обитель гибели.

Сказали мудрецы: "Царь нуждается во многих людях, а люди нуждаются в одном человеке. Поэтому необходимо ему знать их качества, чтобы мог он привести разногласия их к согласию и объять их своей справедливостью и осыпать их милостями". И знай, о царь, что Ардешир, называемый Джамр Шедид [жаркий уголь.] (а он третий из царей персов), покорил все области и разделил их на четыре части. И он сделал себе поэтому четыре перстня по перстню на каждую часть своего царства. И первый перстень был перстень моря, стражи и охраны, и он написал на нем: "Власть"; второй перстень был перстень подати и сбора денег, и он написал на нем: "Процветание"; третий перстень был перстень продовольствия, и на нем было написано: "Изобилие", а четвертый перстень был перстень жалоб, и на нем он написал: "Справедливость". И эти обычаи остались и утвердились у персов, пока не появился ислам.

Хосрой написал своему сыну, который был во главе его войска: "Не будь слишком щедр к своему войску, – оно перестанет нуждаться в тебе..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьдесят первая ночь

Когда же настала шестьдесят первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Хосрой написал своему сыну: "Не будь слишком щедр к своему войску, – оно перестанет нуждаться в тебе. И не стесняй его, чтобы оно не стало тяготиться тобою. Одаряй его даром умеренным и награждай его милостиво; при изобилии будь щедр к не стесняй в беде".

Рассказывают, что один араб–кочевник пришел к альМансуру [123] и сказал ему: "Мори свою собаку голодом, и она пойдет за тобою". И аль–Мансур разгневался на араба, услышав эго от него, но Абуль–Аббас ат–Туси сказал ему: "Я боюсь, что кто–нибудь другой махнет ей лепешкой и она пойдет за ним и оставит тебя", И гнев альМансура утих, и он понял, что это слово безошибочное, и велел дать арабу подарок.

Знай, о царь, что халиф Абд–аль–Мелик ибн Мерван написал своему брату Абд–аль–Азизу, когда отправил его в Египет: "Наблюдай за твоими писцами и за придворными. Писцы скажут тебе о положении, от придворных ты узнаешь дворцовые обряды, а уходящий от тебя познакомит тебя с твоим войском".

Когда Омар ибн аль–Хаттаб [124], – да будет доволен им Аллах! – нанимал слугу, он ставил ему четыре условия: "Не ездить на вьючных лошадях, не носить тонких одежд, не проедать военной добычи и не откладывать молитвы". Сказано: нет богатства лучше разума; нет разума лучше предвидения и рассудительности; нет пользы, равной поддержке свыше; нет торговли, равной добрым делам; нет прибыли, равной награде Аллаха; нет благочестия выше соблюдения предела закона; нет знания, равного размышлению; нет подвижничества выше исполнения предписаний веры; нет веры выше скромности; нет расчета выше смирения и нет чести выше знания. Береги голову с тем, что она содержит, и тело с тем, что оно вмещает, и почни о смерти и испытании.

Сказал Алий [125], – да почитит Аллах лик его: "Бойтесь дурных женщин и будьте от них настороже. Не советуйтесь с ними в делах, но не скупитесь на милость к ним, чтобы они не пожелали учинить козни". И сказал он: "Кто оправит умеренность, тот смутится умом". И ему принадлежат изречения, которые мы приведем, если захочет великий Аллах.

Говорил Омар, – да будет доволен им Аллах: "Женщин бывает три рода: жена, предавшаяся Аллаху, богобоязненная, любящая и плодовитая, помогающая мужу против судьбы и не помогающая судьбе против мужа; и другая, что печется о дитяти, но не больше того; и третья – цепь, которую Аллах накладывает на чью хочешь шею. Мужчин бывает также три рода: муж разумный, когда он действует согласно своему мнению; и другой – разумней его, который, если случится с ним чтонибудь, последствий чего он не знает, идет к людям, правильно мыслящим, и поступает по их совету; и третий – нерешительный, не знающий прямого пути и не подчиняющийся наставнику.

Справедливость необходима во всех вещах, даже невольницы нуждаются в справедливости; приводят же как пример разбойников с дороги, которые постоянно обижают людей; если бы они не были справедливы друг к другу и не соблюдали правил при дележе, их порядок наверно бы нарушился. Говоря кратко, владыка благородных качеств – великодушие и благонравие, и как прекрасны слова поэта:

Дарами и кротостью над племенем юноша

Царит, и легко тебе ему быть подобным.

А другой сказал:

Устойчивость – в кротости, величье – в прощении,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Спасенье – в правдивости для тех, кто правдивым был.

Кто хочет хвалу снискать деньгами, пусть будет тот

В ристании щедрости всегда впереди других.

И затем Нузхат–аз–Заман говорила об управлении парей, пока присутствующие не сказали: "Мы не видели никого, кто бы рассуждал об управлении так, как эта девушка. Быть может, она скажет нам что–нибудь об ином предмете".

И Нузхат–аз–Заман услышала и поняла, что они сказали, и молвила: "Что же до отдела о вежестве, то это обширное поле, ибо в вежестве слияние всех совершенства.

Случилось, что к Муавии [126] вошел один из ею сотрапезников и упомянул о жителях Ирака и их здравых суждениях. А жена Муавии Мейсун, мать Язида, слушала их разговор. И когда он ушел, она сказала: "О повелитель правоверных, мне хотелось бы, чтобы ты разрешил людям из Ирака войти к тебе и поговорить с тобою, а я послушаю их речи". – "Посмотрите, кто есть у дверей", – сказал Муавия, и ему ответили: "Бену–Темим". – "Пусть войдут", – молвил халиф.

И они вошли, и с ними был аль–Ахиф ибн Кайс [127]. (Подойди ближе, Абу–Бахр, – сказал Муавия (а он велел опустить занавеску, чтобы и Мейсун могла слушать их). – О Абу–Бахр, что ты мне посоветуешь?" – спросил он. И аль Ахнар ответила: "Разделяй волосы пробором, подстригай усы, подрезай ногти, выщипывай волосы под мышками, брей лобок, и всегда употребляй зубочистку – в этом семьдесят две добродетели. И пусть омовение в пятницу будет очищением от того, что было между двумя пятницами..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьдесят вторая ночь

Когда же настала шестьдесят вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что аль–Ахнаф ибн Кайс сказал Муавии, когда тог спросил его: "И всегда употребляй зубочистку, ибо в этом семьдесят две добродетели, а омовение в пятницу – очищение от того, что было между двумя пятницами". – "А что ты посоветуешь себе самому?" – спросил Муавия. "Ступать ногами по земле, передвигать их, не торопясь, и наблюдать за ними оком", – ответил аль–Ахнаф. А Муавия продолжал: "Как ты поступаешь, когдаходишь к людям из твоего племени, стоящим ниже эмиров?" – "Я скромно склоняю голову, приветствую первый, оставляю то, что меня не касается, и мало говорю", – отвечал аль–Ахнаф.

"А как ты поступаешь, входя к равным себе?" – спросил халиф. И аль–Ахнаф ответил: "Я слушаю, когда они говорят, и не нападаю, когда они нападают". – "А как ты держишь себя, когдаходишь к твоим повелителям?" – "Я приветствую их, не делая знака, и жду ответа; если мне велят приблизиться, я приближаюсь, а если отдаляют меня, отдаляюсь", – ответил аль–Ахнаф.

И Муавия спросил: "Как ты поступаешь с твоей женой?" – "Уволь меня от этого, повелитель правоверных", – сказал аль–Ахнаф. Но Муавия воскликнул: "Заклинаю тебя, расскажи мне!" И аль–Ахнаф сказал: "Я обращаюсь с ней хорошо, проявляю к ней дружбу и щедро одаряю – ведь женщина создана из кривого ребра". – "А что ты делаешь, когда хочешь познать ее?" спросил халиф. И аль–Ахнаф сказал: "Я говорю с ней, пока она сама не пожелает, и целую ее, пока она не заволнуется, и если бывает то, о чем ты знаешь, я валю ее на спину. И когда капля утверждается в ее лоне, я говорю: "О боже, сделай ее благословенной и не делай ее несчастной, но придай ей прекрасный образ". А потом я поднимаюсь с нее для омовения и лью воду на руки, а затем обливаю тело и воздаю хвалу Аллаху за дарованное мне благо". – "Ты отличился в ответе! – воскликнул Муавия. – Скажи теперь о своих нуждах". – "Мне нужно, чтобы ты был богобоязнен, управляя своими подданными, и оказывал им равную справедливость", – ответил аль–Ахнаф и, поднявшись, удалился из покоев Муавии. И когда он ушел, Мейсун сказала: "Если бы в Ираке был только он, этого бы Ираку довольно".

А вот, – продолжала Нузхат–аз–Заман, – частила из того, что относится к вежеству. Знай, о царь, что Муайкиб управлял казной в халифат Омара ибн аль–Хаттаба..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.